

Составляющие кризиса на Северном Кавказе

Юлия Григорьева

Нередко в документальных материалах, посвященных проблеме чеченского конфликта, авторы обращают внимание на благополучие Чечено-Ингушской республики накануне кризиса, редкую ухоженность Грозного, мирный характер отношений между жителями разных национальностей.

Действительно, бывшая русская крепость Грозный, став в советское время столицей Чечено-Ингушской АССР, превратилась в XX в. в один из самых красивых городов на Северном Кавказе.

Но если все было так хорошо, то почему, когда в середине 90-х годов в Чечне начались военные действия, события зашли так далеко? Неужели дело было только в ловкой пропаганде и выборочном использовании истории, с одной стороны, и политической безрассудности и неподготовленности к такой сложной проблеме, с другой?¹

Для того, чтобы всесторонне проанализировать источники конфликта, необходима сравнительная картина разных регионов Северного Кавказа по базовым социально-демографическим и экономическим показателям в докризисный период. Среди них: соотношение городского и сельского населения и его изменения; наличие перенаселенности и (скрытой) безработицы; возрастная структура населения; изменение национального состава (особенно отток русскоязычного населения до начала 90-х годов); особенности занятости и образовательный уровень в областях, краях и республиках Северного Кавказа.

Существуют данные, которые позволяют провести сравнение состояния регионов Северного Кавказа в десятилетие до начала “первой чеченской войны” и выявить социально-демографические факторы риска². Это те конфликтогенные факторы, природа которых лежит вне политики и истории. Они представлены долговременными тенденциями.

Конечно, при возникновении конфликта всегда играет роль и то, и другое. Как известно, социально-демографические проблемы, в конце концов, имеют как следствие политическую активность населения.

Как правило, речь идет о трудоспособном населении (особенно молоде-

жи), полноценно не востребованном в экономической сфере. Чем больше удельный вес такого населения, тем больше вероятность неприятностей, связанных с его политизацией. Соответственно, тем труднее вернуться к отправной точке в том случае, если такая политизация уже произошла.

С другой стороны, известно, что патриархальные традиции гораздо лучше консервируются в сельской среде, чем в городской. Поначалу красноречивые апелляции к “устоям” имеют намного больше шансов на успех там, где преобладают сельские жители. Это особенно действует, если образовательный уровень населения сравнительно низкий.

Наконец, обращение к национальному самосознанию заведомо будет иметь больший резонанс там, где больше представителей коренной национальности. Националистические призывы могут оказаться особенно “эффективными”, если в обществе ярко выражены идеологические тенденции противостояния – “мы” и “они”. В качестве противовеса разрушительной идеологии обычно выступает необходимость вместе “вариться” и выживать в пестром многонациональном “котле”*. Идеологические и правовые компоненты составляют важную, но далеко не единственную часть стабилизационных опор многонационального социума.

Все это говорит в пользу серьезного отношения к экономико-демографической канве событий на Северном Кавказе в 90-х годах.

Применительно к Чечне здесь вырисовывается “особый статус” по кон-

фликтогенности. В совокупности с уникальным историческим прошлым, этнографическими особенностями и политическими ошибками Центра это дало результат по принципу: “где тонко, там и рвется”.

Не стоит забывать, что горные селения Чечни и Дагестана были *основным очагом сопротивления* завоеванию Российской империи в восточной части Северного Кавказа в XIX в. В отличие от племен западных адыге, оказавших ожесточенное сопротивление на западе Северного Кавказа, чеченцам удалось сохранить свою территорию и население после поражения “горцев” в Кавказской войне.

Вынужденное переселение в Турцию в 60-е года XIX в. – махаджирство, конечно, включало представителей чеченского народа. Однако они были сравнительно малочисленны среди махаджиров. (Масштабы эмиграции адыге оцениваются историками от 400 до 700 тыс. чел.). Некоторые из переселенцев вернулись на родину еще в царское время из-за тяжелых условий, в которых они оказались в новой турецкой “отчизне”.

Численность, соотношение городского и сельского населения и национальный состав в республиках и областях Северного Кавказа в 1979–1987 гг. приведено в табл. 1–3.

Эти данные по национальному составу населения регионов и географическому распределению этносов Северного Кавказа в конце 80-х годов, показывают, что народами, основная часть которых проживала в пределах одной республики Северного Кавказа были чеченцы (больше 80% – в Чечено-Ингушетии, около 6% – в Дагестане), народы Дагестана (лакцы, даргинцы, кумыки, аварцы табасараны и рутульцы, больше 80% которых жило в Дагестане); кабардинцы, карачаевцы, балкарцы (больше 80% проживало в соответствующих

* Американцы обычно называют это “*melting pot*” (плавильный котел). Григорьева Ю.Г. Федеративный опыт Канады и США // Российский федерализм в международной перспективе. М.: МГИМО, 2001.

Таблица 1

Городское и сельское население в 1987 г.*

Территория	Население				
	Всего, тыс. чел.	в том числе:		всего = 100%, в том числе:	
		городское	сельское	городское	сельское
Северный Кавказ	16473	9485	6988	57,6	42,4
Краснодарский край, в том числе	5051	2725	2326	54	46
Адыгейская АО	426				
Ставропольский край, в том числе	2778	1474	1304	53,1	46,9
Карачаево-Черкесская АО	404	-			
Ростовская область	4290	3076	1214	71,7	28,3
Дагестанская АССР	1768	782	986	44,2	55,8
Кабардино-Балкарская АССР	732	450	282	61,4	38,6
Северо-Осетинская АССР	619	448	171	72,4	27,6
Чечено-Ингушская АССР	1235	530	705	42,9	57,1

Примечание: Табл.1 и 2 составлены по материалам работы Ю.В. Смейле, базирующейся на результатах Всесоюзной переписи и местных источников².

республиках), адыгейцы (около 80% – в Адыгее, почти вся оставшаяся часть – в Краснодарском крае), черкесы (приблизительно 74% – в Карачаево-Черкессии, чуть больше 10% – в Краснодарском крае и Ставрополье), абазины (около 80% – в Карачаево-Черкессии, и около 6% – в Ставрополье). Немного больше 70% ингушей проживало в Ингушетии, около 10% – в Северной Осетии.

Территориально разрозненными народами были (и остаются) лезгины, осетины, таты и цахуры. (Больше 40% лезгин проживало в 80-е в Азербайджане, а около половины – в Дагестане; около 30% осетин – в Южной Осетии и непосредственно в Грузии, больше 55% – в Северной Осетии; приблизительно 49% татов (народ иранского происхождения, горские евреи) и больше 60% цахуров жили в Азербайджане, остальные таты и цахуры – преимущественно в Дагестане.

Эти статистические данные показывают, что чеченцы в 80-е годы являлись единственным народом Северного Кавказа, объединяющим три важных социально-демографических признака:

во-первых, они, вместе с ближайшими этническими родственниками – ингушами, занимали на Северном Кавказе собственную территорию со статусом национально-территориального образования. Важно, что это историческая территория была даже расширена, но кардинально не изменена в царское и советское время. (В этом – большое отличие от исторической судьбы западных адыге: те из них, кто не покинул родину из-за нежелания выполнять указания о переселении “с гор”, были в основном переведены на другие места проживания в пределах Прикубанья).

Национальный состав населения регионов Северного Кавказа в 1979 г.²

Территория	Всего, тыс. чел.	Численность, тыс. чел. , (% от численности населения региона)
Адыгейская АО	404	РУССКИЕ – 286 (70,6 %); украинцы – 12 (3%); армяне – 6 (1,6%); адыгейцы – 86 (21,4%)
Карачаево-Черкесская АО	367	РУССКИЕ – 165 (45,1%); черкесы – 34 (9,4%); ногайцы – 12 (3,2%); осетины – 4 (1%); карачаевцы – 109 (29,7%); абазины – 24 (6,6%); украинцы – 5 (1,2%)
Кабардино-Балкарская АССР	667	КАБАРДИНЦЫ – 304 (45,5%); балкарцы – 60 (9%); осетины – 10 (1,5%); украинцы – 12 (1,8%); русские – 234 (35,1%); немцы – 10 (1,5%)
Северо-Осетинская АССР	592	ОСЕТИНЫ – 299 (50,5%); ингуши – 29 (4%); грузины – 11 (1,9%); кумыки – 8 (1,3%); русские – 201 (33,9%); армяне – 13 (2,2%); украинцы – 11 (1,8%)
Дагестанская АССР	1628	АВАРЦЫ – 419 (25,8%); лезгинцы – 189 (11,5%); азербайджанцы – 65 (4%); рутульцы – 14 (0,9%); лакцы – 83 (5,1%); даргинцы – 247 (15,2%); агулы – 11 (0,7%); чеченцы – 49 (3%); табасараны – 72 (4,4%); таты – 7 (0,5%); кумыки – 202 (12,4%); ногайцы – 25 (1,5%); цахуры – 5 (0,3%); русские – 189 (11,6%); евреи – 19 (1,2%)
Чечено-Ингушская АССР	1156	ЧЕЧЕНЦЫ – 611 (52,9%); армяне – 15 (1,3%); ногайцы – 6 (0,5%); лакцы – 1 (0,1%); русские – 336 (29,1%); украинцы – 12 (1%); аварцы – 5 (0,4%); кумыки – 8 (0,7%); ингуши – 135 (11,6%); даргинцы – 1 (0,1%)

Условные обозначения:

Прописными буквами – самая многочисленная народность,

Выделено – коренные национальности региона,

Выделено (52,9) – народы, удельный вес которых превышает 50% населения в регионе.

В Краснодарском крае (куда входила Адыгейская АО): население, всего – 4744 тыс. чел., в том числе русские – 4159 тыс. (87,7%), украинцы – 169 (3,6%), адыгейцы – 103 (2,2%), белорусы – 32 (0,7%), татары – 26 (0,6%), немцы – 24 (0,5%), греки – 23 (0,5%).

В Ставропольском крае (куда входила Карачаево-Черкесская АО): население, всего – 2497 тыс. чел., в том числе русские – 2033 тыс. (81,4%), карачаевцы – 121 (4,8%), украинцы – 57 (2,3%), армяне – 41 (1,6%), черкесы – 36 (1,4%), абазины – 26 (1,1%), ногайцы – 25 (1%), греки – 22 (0,9%), даргинцы – 16 (0,6%), белорусы – 14 (0,5%), татары – 10 (0,4%), осетины – 8 (0,3%).

В Ростовской области: население, всего – 4079 тыс. чел., в том числе русские – 3707 тыс. (90,9%), украинцы – 157 (3,8%), армяне – 57 (1,4%), белорусы – 36 (0,9%), татары – 17 (0,4%), евреи – 15 (0,4%).

Географическое распределение этносов

Национальность	Общая численность, тыс. чел.	Распределение, %
ЧЕЧЕНЦЫ	756	Чечено-Ингушетия – 80,8 , Дагестан – 6,5
Осетины	542	Северная Осетия – 55,2; Южная Осетия – 12; Грузия – 17,6
АВАРЦЫ	483	Дагестан – 86,7 ; Азербайджан – 7,5
Лезгины	383	Дагестан – 49,3; Азербайджан – 41,3; Казахстан – 2,6; Туркмения – 2
КАБАРДИНЦЫ	322	Кабардино-Балкария – 94,4
ДАРГИНЦЫ	287	Дагестан – 86,1 ; Ставропольский край – 5,5; Калмыкия – 3
КУМЫКИ	228	Дагестан – 88,6 ; Чечено-Ингушетия – 3,5; Северная Осетия – 3,3
ИНГУШИ	186	Чечено-Ингушетия – 72,6; Северная Осетия – 12,7
КАРАЧАЕВЦЫ	131	Карачаево-Черкессия – 83,2
АДЫГЕЙЦЫ	104	Адыгея – 78,9 ; Краснодарский край – 15,3
ЛАКЦЫ	100	Дагестан – 83 ; Узбекистан – 2
ТАБАСАРАНЫ	75,2	Дагестан – 95
БАЛКАРЦЫ	66,3	Кабардино-Балкария – 90,5
Ногайцы	59,5	Дагестан – 42; Ставропольский край – 41,7; Чечено-Ингушетия – 10,3
ЧЕРКЕСЫ	45,6	Карачаево-Черкессия – 74; Краснодарский край – 7,5; Ставропольский край – 3,5
АБАЗИНЫ	29,5	Карачаево-Черкессия – 82 ; Ставропольский край – 6,7
Таты*	22,4	Азербайджан – 39,3; Дагестан – 33
РУТУЛЬЦЫ	15	Дагестан – 95
Цахуры*	13,5	Азербайджан – 63; Дагестан – 34
АГУЛЫ	12,1	Дагестан – 95

Условные обозначения:

Выделено (**86,1**) – на территории проживает около или больше 80% этноса.

Прописными буквами (АВАРЦЫ) – основная часть этноса проживает на территории одной республики на Северном Кавказе.

Отмечено (таты*) – большая часть представителей этноса живет вне пределов Северного Кавказа.

Курсивом (*балкарцы*) – ареал проживания этноса в основном в пределах Северного Кавказа.

во-вторых, в конце 80-годов чеченцы обладали максимальной численностью по сравнению с другими коренными северокавказскими народами;

в-третьих, они имели компактный ареал расселения, сосредоточившись почти полностью в пределах собственной республики.

Сравнение народов и регионов Северного Кавказа по основным социально-демографическим показателям свидетельствует, что Чечня, Ингушетия (тогда ЧИР) и Дагестан образовывали на Северном Кавказе особый анклав как в историческом, так и в социально-демографическом отношении. Помимо перечисленных выше особенностей, это касалось и таких немаловажных “показателей”, как удельный

вес сельского населения, уровень образования и баланс трудовых ресурсов.

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ. Сельское население резко преобладало над городским. При этом до конца сохраняется (Чечня) или сохраняется до начала 80-х годов, (Дагестан) тенденция роста численности сельских жителей.

В Дагестане численность сельского населения стабильно увеличивалась до 1979 г., а небольшое уменьшение произошло лишь в 1987 г.

В Чечено-Ингушетии в течение 1979–1987 гг. число сельских жителей увеличилось на 42 тыс.².

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ. Для всего Северного Кавказа характерен низкий образовательный уровень, распространено начальное образование (Рис. 1).

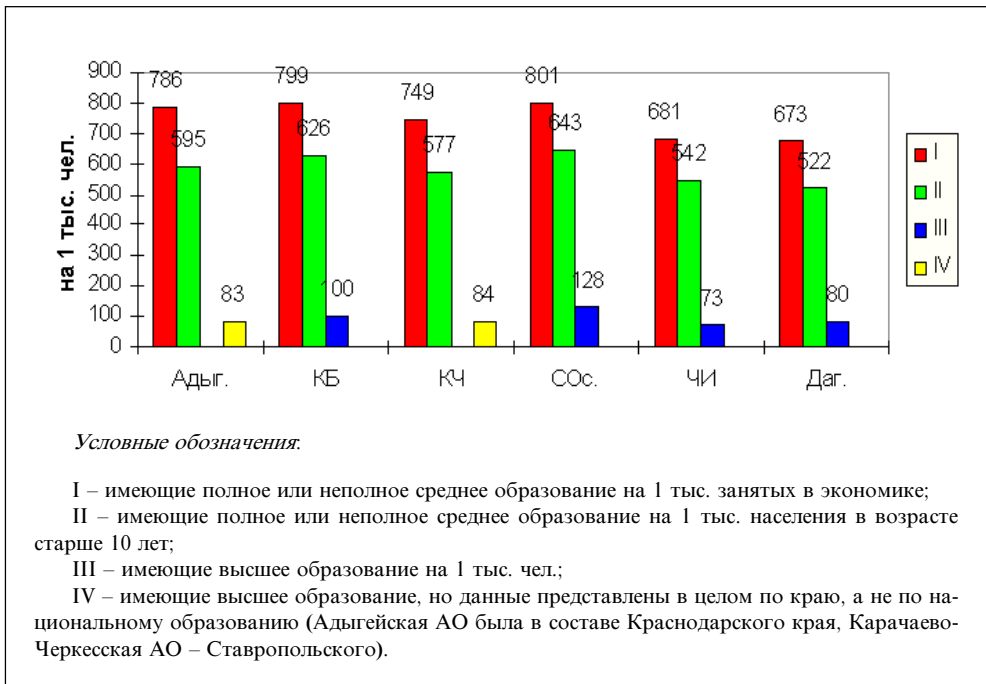


Рис. 1. Уровень образования по данным 1975 г.

В 1979 г. русским языком владело от 60 до 80% коренного населения*.

Наиболее высокий уровень образованности был в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (по количеству имеющих высшее и среднее образование).

По количеству жителей, получивших высшее образование, была Северная Осетия, опережая Краснодарский, Ставропольский края и Ростовскую область, где 80–90% населения составляли русские.

В Дагестане и Чечено-Ингушетии, наоборот, наблюдался самый низкий образовательный уровень населения по сравнению с другими регионами Северного Кавказа (и здесь было меньше всего русских).

СОСТОЯНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ. Наблюдается самый значительный избыток трудовых ресурсов по сравнению с предложением рабочих мест. Именно в Чечне и Ингушетии констатировалось самое интенсивное “отходничество” на заработки в другие регионы**.

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ. К 1970 г. складывается так называемая “прогрессивная структура” населения (воспроизводство населения превышает убыль). Это означало большой удельный вес жителей трудоспособного возраста в недалеком будущем.

СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ. В промышленности было занято всего около 20% жителей, а большинство занято в сельском хозяйстве.

СРЕДНИЙ РАЗМЕР СЕМЬИ. В регионе были самые большие семьи, особенно в сельской местности***.

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС РУССКОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ. Наименьший удельный вес русского и русскоязычного населения по всему Северному Кавказу был в Чечено-Ингушетии – около 30% и в Дагестане – около 12% (1979 г.).

Если брать последний признак, то примерно в том же ряду стояли накануне распада СССР и Кабардино-Балкария, и Северная Осетия.

В Кабардино-Балкарии доля русского населения в этот период составляла 35,1% (вторая по численности этническая группа после кабардинцев). В Северной Осетии в 1979 г. было 33,9% русских – то есть приблизительно на 20% меньше, чем осетин (табл. 3).

Итак, в начале 80-х годов в Северной Осетии доля русского населения была лишь на несколько процентов больше, чем в Чечено-Ингушетии.

Однако Северная Осетия резко отличалась по иным социально-демографическим параметрам.

* В 1979 г. свободно владело русским 62,6% представителей народностей Дагестана, 77,3% чеченцев, 71,5% осетин, 78,7% кабардинцев, 82,1% ингушей, 77,5% карачаевцев, 80,9% адыгейцев, 80,1% балкарцев, 75,5% черкесов, 78,8% абазин.

** “По степени обеспеченности рабочей силой Северо-кавказский экономический регион делится на две зоны: первая – трудонедостаточная – включает Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольский края, Северную Осетию, вторая зона – трудоизбыточная – охватывает Чечено-Ингушетию, Дагестан и Кабардино-Балкарию...”

Большое развитие получило так называемое «отходничество» избыточной рабочей силы в другие регионы из национальных автономий, главным образом из Чечено-Ингушетии”².

*** Данные по 1979 г.: средний размер семьи в Адыгейской АО – 3,3 (в целом по Краснодарскому краю – 3,2), в Карачаево-Черкессии – 3,7 (в целом по Ставрополью – 3,3); в Кабардино-Балкарии – 3,9; в Северной Осетии – 3,8; в Чечено-Ингушетии – 4,4; Дагестане – 4,6. В Чечено-Ингушетии наблюдалась самая большая разница в размере сельской и городской семьи. (Дагестан – разница 19%, Северная Осетия – 19%, Кабардино-Балкария – 25%, Чечено-Ингушетия – 30%; в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области размер сельских и городских семей в целом был приблизительно одинаковым.

Республика значительно выделялась среди других регионов Северного Кавказа по соотношению городского и сельского населения, образовательному уровню и числу работающих в промышленности.

В 1987 г. доля городских жителей и людей с высшим образованием в республике, как и число занятых в промышленности были даже выше, чем в Краснодарском крае, Ставрополье и в Ростовской области, где, естественно, преобладали русскоговорящие жители.

Если брать еще один потенциальный вектор конфликтности – “лишние” рабочие руки, то к республикам, отягощенным “трудоизбыточным” населением относилась, наряду с ЧИР и Дагестаном, Кабардино-Балкария, где демографическая структура в 1970 г. также предполагала довольно высокий удельный вес трудоспособных жителей в обозримом будущем, то есть вхождением в 80-е годы в “трудоизбыточную зону”: предложение рабочей силы превышает спрос. Но, как уже говорилось, на первом месте по данному показателю, который означает опасную экономико-демографическую ситуацию (стоит только умело “поднести спичку”), уже тогда стояли Чечено-Ингушетия и Дагестан.

Таким образом, еще в конце 80-х годов было ясно потенциальное направление социально-экономического “взрыва” на Северном Кавказе: Чечено-Ингушетия – Дагестан – Кабардино-Балкария.

В сочетании с историей “кавказского завоевания” России, которое, по историческим меркам, было совсем недавно (в XIX столетии), это должно было давать более чем серьезные поводы для беспокойства. Ведь эпицентром противостояния в XIX в. являлись именно горные территории Чечни и Дагестана.

Феномен исторической памяти народов, безусловно, существует.

Об этом красноречиво свидетельствует современная история Балкан, где, несмотря на в целом сравнительно благополучные социально-экономические условия, национализм оказался “козырной картой”, способной, при умелой “подаче”, развалить югославское государство.

Однако такое сочетание, как независимость в историческом прошлом и затянувшиеся тяжелые социально-экономические проблемы в настоящем представляет собой еще более взрывоопасный вариант.

Югославский опыт показывает, что и там, где федерализм не подтачивается исподволь постоянными социально-экономическими “провалами”, но имеет драматическое, исполненное взаимных обид историческое прошлое, он становится легкой добычей национализма.

“Реанимация” исторических обид в сознании народов на удивление легко сметает кропотливо создававшееся десятилетиями здание федеративного государства. Вероятность такого исхода возрастает, если этому “дают фору” внешние заинтересованные стороны.

Тем большего внимания заслуживают чисто внутренние источники эскалации напряженности, разъедающие “фундамент” федерации и без помощи внешних сил.

“Племена” горной Чечни и Дагестана, как и западные адыге, обладали реальной независимостью до Кавказской войны Российской империи XIX в. Остальные коренные жители Северного Кавказа тоже пользовались сравнительной независимостью, хотя периодически и вступали в контакты с соседними государствами.

Как однажды заявил один из дагестанских правителей (кумыкский шамхал) турецкому послу, что он не хочет служить

“ни турецкому, ни московскому царю”, а хочет жить сам по себе³.

После присоединения территорий Северного Кавказа за Кубанью и Терек к России часть северокавказских народов и особенно правителей проявили заинтересованность в покровительстве Российской империи перед лицом угрозы персидского вторжения в начале XIX в., как и в борьбе с соседями за удобные равнинные земли.

В то же время методы первого кавказского наместника генерала А.П.Ер-

молова (1817–1825 гг.) вызвали у некоторых “племен”, особенно у чеченцев, ожесточенное сопротивление (эти меры включали насильственное переселение с ряда территорий в военно-стратегических целях⁴).

Как считают историки, во многом благодаря тому, что у “горцев” северо-восточного Кавказа появился в 30-е годы XIX в. сильный лидер – имам Шамиль, Кавказская война затянулась на четыре десятилетия (1817–1861 гг.)⁵.

Исторические зоны сравнительно недавнего военного противостояния представляют собой слабые места любого федеративного устройства. Поэтому они требуют особого внимания и осторожного подхода и в спокойные, и, тем более, в переломные времена существования государства.

Они также требуют дорогостоящих экономических усилий.

Положение в республиках Северного Кавказа до сих пор гораздо хуже, чем в других регионах страны (валовый продукт на душу населения ниже среднероссийского уровня в 3–8 раз; наблюдается самый высокий уровень безработицы; доля “безвозмездных перечислений в доходах региональных бюджетов” в 2005 г. составляла около 74%⁶).

Созданная в сентябре 2006 г. Комиссия по вопросам улучшения социально-экономического положения в Южном федеральном округе и Федеральная целевая программа “Юг России” на 2008–2014 гг. были призваны улучшить эту опасную ситуацию⁶.

Однако пока весьма неутешительная статистика сохраняется.

Примечания

- ¹ *Музаева Т.* Чеченская республика. Органы власти и политические силы. М.: Панорама, 1995; *Gall C.C. & Waal Th. de.* Chechnya: A Small Victorious War. London. Pan Books, 1997.
- ² *Смейле Ю.В.* Население Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1988. С. 24, 25, 8, 17, 30, 31, 19, 25.
- ³ *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVIII в.). М., 1963. С. 269–271.
- ⁴ *Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004 гг.). М.: Европа, 2006. С. 17; *Очерки по истории Чечено-Ингушской АССР / Под ред. Н.А.Смирнова.* Грозный, 1967.
- ⁵ *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001.
- ⁶ Материалы V Международного экономического форума “Кубань-2006” (28.09–01.10.2006). Сочи. 05–11.10.2006.